

ИСТОЧНИКИ ЦЕРКОВНАГО ПРАВА.

(Изъ лекцій покойнаго профессора Московскаго Университета,
А. С Павлова).

Исторія общаго церковнаго права ¹⁾.

ПЕРЮДЪ III.

Отъ изданія Фотіева номоканона до паденія византійской имперіи.

§ 19. Источники церковнаго права въ этомъ періодъ: постановленія патріаршаго сикода и каноническіе отвѣты и трактаты отдѣльныхъ іерархическихъ лицъ. Появленіе Лжеисидоровыхъ декреталовъ на западъ и изданіе Фотіева номоканона на востокъ знаменуютъ собою эпоху глубокаго, хотя еще не окончательнаго, не формальнаго раздѣленія обѣихъ половинъ христіанскаго міра. Съ этой эпохи обѣ церкви въ развитіи своего права идутъ уже врознь, каждая своею дорогою. Мы будемъ теперь слѣдить только за явленіями, какія представляетъ намъ исторія церковнаго права на востокъ, такъ какъ это именно право составляетъ главный предметъ нашего изученія.

На востокъ, съ эпохи изданія Фотіева номоканона, развитіе общаго церковнаго права если не вовсе прекращается, то весьма замѣтно ослабѣваетъ. Константинопольскій соборъ 879 года въ храмѣ св. Софійи былъ послѣднимъ, правила котораго, съ значеніемъ общецерковныхъ каноновъ, внесены

---

¹⁾ Окончаніе См Ноябрьскую кн. стр 336—433

были (патріархомъ Фотіемъ) въ составъ каноническаго кодекса восточной церкви. Самые соборы періодическіе на востокъ теперь вовсе прекратились. Мѣсто ихъ заступилъ *постоянный* соборъ или синодъ (*σύνεδρος ἐκδημιόσας*) при каѳедрѣ константинопольскаго патріарха, который фактически, вслѣдствіе того, что другіе три восточные патріархата не входили уже въ составъ византійской имперіи, а находились подъ властію мусульманскихъ государей, сдѣлался теперь главою всей восточной церкви. Постоянное присутствіе въ Константинополѣ митрополитовъ и епископовъ, проживавшихъ въ столицѣ, по дѣламъ своихъ церквей, иногда весьма подолгу, давало возможность патріарху во всякое время привлечь ихъ къ соборному разсмотрѣнію, подъ своимъ предсѣдательствомъ, того или другого вопроса. Этотъ соборъ или синодъ патріаршій составлялъ послѣднюю инстанцію для рѣшенія вопросовъ церковно-судебной и административной практики. Онъ же былъ главнымъ органомъ и церковнаго законодательства на востокъ. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи отличалась въ высшей степени консервативнымъ характеромъ. Онъ не задается мыслию творить право съ такимъ же авторитетомъ, какой принадлежалъ прежнимъ соборамъ вселенскимъ и помѣстнымъ. Въ средѣ византійской іерархіи и всего византійскаго православнаго общества устанавливается теперь такой взглядъ, что число вселенскихъ соборовъ исполнилось въ священномъ числѣ *семи*, уже бывшихъ, и что дальнѣйшая задача церкви относительно вѣроученія и дисциплины состоитъ только въ вѣрномъ и неизмѣнномъ храненіи того, что предано древнею Вселенскою церковію. Подъ вліяніемъ такого взгляда, который съ эпохи формальнаго раздѣленія церковей получилъ особенную силу, движеніе каноническаго законодательства на востокъ ограничивалось преимущественно распространительнымъ толкованіемъ и казуистическимъ примѣненіемъ древнихъ каноновъ, содержащихся въ синтагмѣ Фотія. Таковы всѣ постановленія патріаршаго синода (*ψήφοι συνοδικαί, sententiae synodales*), составляющія теперь главный практическій источникъ церковнаго права. Было бы, однако, совершенно ошибочно представлять себѣ состояніе этого права въ настоящемъ періодѣ состояніемъ полнаго застоя. Условія и внѣшній порядокъ церковной жизни теперь во мно-

гихъ отношеніяхъ измѣнились, и эти перемѣны естественно вели къ образованію новыхъ церковно-правовыхъ нормъ. Такимъ образомъ, и отъ настоящаго періода мы имѣемъ нѣсколько весьма важныхъ источниковъ церковнаго права. Особеннаго вниманія заслуживаютъ источники брачнаго права, которое теперь на востокѣ окончательно сдѣлалось церковнымъ. Въ греческой церкви эти источники до настоящаго времени вполне сохраняютъ свое практическое значеніе, а у насъ дѣйствіе ихъ ограничено только въ началѣ настоящаго столѣтія. Рѣшенія патриаршаго синода по брачнымъ и другимъ церковнымъ дѣламъ, если они вводили что-нибудь новое, разсылались провинціальнымъ духовнымъ властямъ для руководства въ представляющихся случаяхъ; если же, сверхъ того, получали санкцію и отъ императоровъ, то дѣлались и государственными законами. Нѣкоторыя изъ нихъ получили во всей восточной церкви такую же важность, какъ и каноны соборовъ предыдущаго періода. Таковъ именно соборный актъ, изданный въ 920 г. патриархомъ Николаемъ Мистикомъ подъ именемъ „Тома соединенія“ (*τὸμος ἐνώσεως*) и утвержденный императорами Константиномъ X и Романомъ. Этимъ томомъ впервые безусловно запрещенъ четвертый бракъ. Въ нашей печатной Кормчей этотъ актъ составляетъ 52-ю главу, на основаніи которой четвертый бракъ объявляется недѣйствительнымъ и въ нашихъ гражданскихъ законахъ. Въ той же Кормчей мы имѣемъ отъ настоящаго періода и другія синодальныя постановленія константинопольскихъ патриарховъ по дѣламъ брачнымъ, именно: 1, томъ патриарха Сисиннія (996 г.), содержащій въ себѣ запрещеніе брака въ 6-й степени свойства (гл. 51); 2, рѣшеніе патриарха Алексѣя Студита (1038 г.) по дѣлу о бракѣ, заключенномъ безъ согласія родителей невѣсты (гл. 51); 3, рѣшеніе того же патриарха о бракѣ въ 7-й степени кровнаго родства (гл. 51), состоявшееся въ томъ смыслѣ, что такой бракъ вообще запрещается, но уже заключенный не подвергается расторгенію. Не исчисляя другихъ, относящихся сюда, источниковъ церковнаго права, сдѣлаемъ о нихъ одно общее замѣчаніе. Въ XIV в., если не прежде, принято было за правило вносить всѣ подобные акты патриарху въ особый кодексъ, который хранился въ патриаршей канцеляріи (хартофилакіи) для необходимыхъ

справокъ Отъ XIV столѣтія до насъ дошелъ полный кодексъ такихъ актовъ, изданный въ двухъ томахъ Миклошичемъ и Мюлеромъ.

Не рѣдко патріархъ и его синодъ давали отвѣты на вопросы, съ какими обращались къ нимъ провинціальныя епископы и другія лица въ разныхъ случаяхъ церковной практики, не предусмотрѣнныхъ въ источникахъ дѣйствующаго права. Отвѣты эти были, такъ сказать, сепаратными постановленіями патріарха и его синода и формально были обязательны только для тѣхъ лицъ, кому они давались. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ получили общее признаніе и въ греческой и въ русской церкви. Таковы, на примѣръ, отвѣты патріарха Николая Грамматика (конца XI и нач. XII в.) на вопросы аѳонскихъ монаховъ, принятые и въ нашу печатную Кормчую (гл. 53). Важность ихъ для церковной практики своего времени доказывается уже тѣмъ, что знаменитѣйшій изъ толкователей каноническаго кодекса восточной церкви Феодоръ Вальсамонъ написалъ и на нихъ свои толкованія (*Σύντ.* V, p. 417).

Отъ настоящаго періода до насъ дошла еще значительная масса каноническихъ отвѣтовъ и трактатовъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ іерархическимъ и другимъ лицамъ, славившимся между современниками своими познаніями въ каноническомъ правѣ. Нѣкоторые изъ памятниковъ этого рода находятся и въ нашей печатной Кормчей, именно: 1, два безыменные отрывка изъ сочиненій Димитрія Синкелла, митрополита кизическаго (XI в.) по брачному праву (гл. 51); 2, отвѣты Никиты, митрополита праклійскаго, жившаго въ концѣ XI в. (гл. 54); 3, отрывки изъ отвѣтовъ, написанныхъ въ нашей Кормчей именемъ Іоанна, епископа китрскаго, жившаго въ первой половинѣ XIII в., но на самомъ дѣлѣ принадлежавшихъ другому современному и болѣе знаменитому греческому іерарху, именно Димитрію Хомаину, архіепископу болгарскому ¹⁾ (гл. 58). Значеніе всѣхъ подобныхъ памятниковъ—чисто историческое. Они служатъ свидѣтельствомъ церковной практики и канонической юрис-

¹⁾ См. объ этомъ *Визант. Временникъ* за 1894 г. вып. 3—4, стр. 493—502.

пруденціи своего времени. Сами по себѣ они никогда не были источниками церковнаго права въ собственномъ смыслѣ.

§ 20. *Законодательство императоровъ по дѣламъ церкви.* Что касается до государственныхъ законовъ по дѣламъ церкви, то они попрежнему остаются весьма важнымъ источникомъ церковнаго права, такъ какъ и отношенія императорской власти къ церкви оставались тѣ же самыя, какія установились въ предыдущемъ періодѣ. Говоря вообще, эти отношенія были благодѣтельными для церкви. Сама духовная іерархія, признавая императора „верховнымъ блюстителемъ церковнаго порядка“ (*ἐπιστημονόρχης τῆς ἐκκλησίας*), призывала его къ участию въ ея законодательной, судебной и административной дѣятельности. Съ своей стороны императоры открывали своими законами широкій просторъ вліянію церкви на жизнь общества. Большая часть государственныхъ законовъ по дѣламъ церкви, изданныхъ въ настоящій періодъ, принадлежитъ императорамъ изъ династіи Македонской и Комниновъ, изъ коихъ первая занимала престолъ отъ второй половины IX до конца XI вѣка, а послѣдняя отъ конца XI и во все продолженіе XII вѣка. Особенно важны для церковнаго права новеллы императоровъ Льва Мудраго и Алексѣя Комнина. Законами этихъ именно императоровъ брачное право окончательно преобразовано было въ особую вѣтвь права церковнаго. Три новеллы императора Алексѣя Комнина о *церковномъ* обрученіи и вѣнчаніи брака, какъ *conditio sine qua* по ея дѣйствительности, помѣщены и въ нашей печатной Кормчей (гл. 43). Впрочемъ, справедливо замѣчаетъ Чижманъ, что не многія новеллы византийскихъ императоровъ настоящаго періода носятъ на себѣ характеръ оригинальности. Одряхлѣвшая восточная имперія уже не была способна проявлять творческую силу въ образованіи права. Инициатива новыхъ юридическихъ нормъ по церковнымъ дѣламъ обыкновенно исходила отъ самой церкви. Что же касается до свѣтскихъ законодателей, то они большею частію дожидались какого-нибудь синодальнаго постановленія, чтобы потомъ въ вычурной и многорѣчивой новеллѣ сказать, что такъ именно и должно быть для общаго блага.

Таковы были въ настоящемъ періодѣ источники церковнаго права государственнаго происхожденія. Какъ относи-

лись они къ таковымъ же источникамъ предыдущаго періода, т. е. къ законамъ Юстиніана, принятымъ въ церковный помоканонъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что законодательствомъ византійскихъ императоровъ настоящаго періода и самую жизнь современнаго общества создавалось уже новое, *собственно-византійское* право, во многихъ отношеніяхъ отличавшееся отъ Юстиніанова права. Въ юридическихъ воззрѣніяхъ и обычаяхъ византійскихъ грековъ, которые продолжали величать себя *ромеями* (т. е. римлянами), но на самомъ дѣлѣ представляли пеструю смѣсь разныхъ національностей съ рѣшительнымъ преобладаніемъ славянъ, уже въ концѣ предыдущаго періода произошелъ существенный переворотъ, выраженіемъ котораго служитъ знаменитая *Эклога* императоровъ—иконоборцевъ Льва Исаврянина и Константина Копронима, изданная около 740 года. Это—своего рода греко-варварскія институціи, которыя во многихъ отношеніяхъ отмѣняли Юстиніаново законодательство, преимущественно въ сферѣ землевладѣнія, брачнаго, семейнаго и наследственнаго права. Но наряду съ *Эклогой* въ рукахъ византійскихъ юристовъ-практиковъ продолжали еще обращаться разныя частныя компіляціи изъ источниковъ Юстиніанова права, кое-какъ приспособленныя къ измѣнившемуся юридическому быту византійскаго общества. Подлинныя же законныя книги Юстиніана были давно позабыты и оставались недоступными для пониманія современныхъ юристовъ. Эти обстоятельства побудили императора Василія Македонянина предпринять новую кодификацію источниковъ гражданскаго права съ цѣлію—устранить изъ Юстиніановыхъ законовъ все устарѣлое и негодное для практики, все же прочее, что осталось въ силѣ, издать вновь, присоединивъ сюда разнообразную и разрозненную массу позднѣйшаго законодательнаго матеріала и принявъ новыя нормы обычнаго права. Исполняя эту сложную и трудную задачу, Василій Македонянинъ, во I-хъ, издалъ (около 870 года) такъ называемый *Прохиронъ*, т. е. ручную книгу законовъ, которая, какъ сказано въ ея предисловіи, должна была вытѣснить изъ употребленія „законодательство нечестивыхъ иконоборцевъ“, то есть *Эклогу*, но которая на самомъ дѣлѣ дословно повторяетъ многія постановленія *Эклоги*, такъ какъ послѣдняя отвѣчала потребностямъ жизни; во 2-хъ, велѣлъ

собрать въ одинъ сборникъ отрывки Юстиніанова законодательства, потерявшаго практическое значеніе; въ 3-хъ, дать новую редакцію тѣмъ Юстиніановымъ законамъ, которые оставались въ дѣйствиіи или, по крайней мѣрѣ, должны были служить коррективами къ дѣйствующему праву, подъ именемъ „Ревизіи законовъ“ (*Ανακρίθαρσι; τῶν νόμων*). Первая изъ этихъ законодательныхъ работъ—Прохиронъ еще при томъ-же императорѣ (около 883 года) издана была въ новомъ видѣ и подъ новымъ названіемъ *Эпаноги*, въ составленіи которой необходимо предположить участіе духовнаго лица, такъ какъ въ ней содержится много постановленій, касающихся духовной іерархіи и, между прочимъ, цѣлый титулъ (3-й) о патриархѣ, содержащій въ себѣ совершенно *новыя* постановленія: въ позднѣйшихъ византійскихъ юридическихъ компиляціяхъ этотъ титулъ не безъ основанія приписывался патриарху Фотію. Впрочемъ, эта новая редакція Прохирона едва ли была официально обнародована; во всякомъ случаѣ она не вытѣснила изъ употребленія прежней, которая до самаго паденія Византійской имперіи оставалась главною рукою законовъ у юристовъ—практиковъ и послужила основаніемъ для множества новыхъ частныхъ компиляцій этого рода, между прочимъ—для извѣстнаго *Шестокнижія* Арменула. Въ отношеніи къ церковному праву Прохиронъ важенъ, какъ преимущественный источникъ, изъ котораго позднѣйшіе канонисты (напр. Матѳей Властарь) черпали опредѣленія гражданскаго права, относящіяся къ церкви. Не позднѣе XI в. Прохиронъ переведенъ былъ и на славянскій языкъ и въ продолженіе многихъ столѣтій входилъ въ составъ славяно-русскихъ Кормчихъ подъ именемъ „Градскаго закона“ (*Νόμος πολιτικός*). Въ печатной Кормчѣй онъ составляетъ 48 главу. Вторая изъ кодификаціонныхъ работъ Василя Македонянина, содержащая въ себѣ устарѣлыя Юстиніановы законы, не дошла до нашего времени, понятно, потому, что не было надобности ее перепечывать; но третья и важнѣйшая работа—„Ревизія законовъ“ сохранилась (только не вполне) въ позднѣйшей редакціи, какую далъ ей сынъ и преемникъ Василя—Левъ Мудрый. Последнему принадлежитъ изданіе громаднаго кодекса въ 60 книгахъ, извѣстнаго подъ именемъ *Базилікы*, т. е. царскихъ книгъ (*τὰ Βασιλικά*).

§ 21. *Пересмотръ каноническаго кодекса и его толкователи: Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ.* Описанныя нами кодификаціонныя работы императоровъ Василия Македонянина и Льва Мудраго имѣли весьма близкое отношеніе и къ церковному праву. Онѣ указывали на необходимость пересмотра гражданскихъ источниковъ церковнаго права, которые содержались въ номоканонѣ Фотія. Здѣсь, какъ мы уже знаемъ, помѣщены были отрывки изъ *Юстиніановыхъ* законныхъ книгъ. Но многіе изъ этихъ отрывковъ не вошли въ *Базилки*, значитъ — потеряли законную силу. И вотъ уже въ XI вѣкѣ предпринимаются опыты матеріальной переработки номоканона, состоящіе въ сравненіи принятыхъ сюда извлеченій изъ *Юстиніановыхъ* законовъ съ соответственными мѣстами изъ *Базилекъ*. Такая именно работа надъ Фотіевымъ номоканономъ совершена была въ 1090 г. какимъ-то *Теодоромъ Бестомъ* по порученію государственнаго сановника (логогета) *Михаила*. Вскорѣ послѣ того, именно въ 1107 году императоръ *Алексѣй Комнинъ* въ своей новеллѣ, данной тогдашнему патріарху *Николаю Грамматіку* и его синоду, горько жалуясь на несоблюденіе церковныхъ правилъ (и законовъ) при избраніи и поставленіи на церковно-іерархическія степени, предписывалъ прочитатъ въ синодѣ весь номоканонъ съ тою цѣлію, чтобы одни изъ содержащихся здѣсь правилъ, совершенно необходимыя для церкви, были восстановлены и соблюдаемы во всей своей силѣ, а другія, менѣе важныя, были бы представлены ему, императору, для совместнаго сужденія о нихъ купно съ синодомъ ¹⁾. Было-ли что сдѣлано патріархомъ и его синодомъ по этой новеллѣ, мы не знаемъ. Но несомнѣнно, что самая жизнь требовала полнаго пересмотра источниковъ церковнаго права, унаслѣдованныхъ настоящимъ періодомъ отъ предыдущаго. Дѣйствовавшее теперь церковное право во мно-

¹⁾ Вотъ длинныя слова повеллы: *Ἐπὶ τοῦτοις ἀναγνωσθῆτω καὶ τὸ τοῦ νομοκανόνος βιβλίον ἵσαν ἐνώπιον τῆς ἱερᾶς καὶ ἁγίας συνόδου, καὶ ἀπὸ τῶν παραδεχομένων (презираемыхъ) τῶν θείων κανόνων οἱ μὲν πρὸς εὐσέβειαν ὄροντες καὶ τι συστατικὸν τοῦ ὁρθοῦ δόγματος παρειδόντες ἑαῖν, παρὰ τὸ ἄλλο ἀναγνωθέντες τηρεῖσθωσαν οἱ δὲ λοιποὶ παρελθόντες (выписанные къ докладу) δοθῆτωσαν καὶ τῇ βασιλείᾳ μου. ἵνα κοινῇ τῇ ἡμετέρῃ ἀγίῳτι, περὶ τούτων συνδιασθεσάμεν, τὸ θεῶν οἰκονομία (Zachariae, Jus graeco-romanum, pars III, p. 422)*

гихъ отношеніяхъ было уже не то, что прежде. Поэтому настояла потребность установить отношеніе древнихъ церковныхъ канонѣвъ и законовъ, содержащихся въ синтагмѣ и номоканонѣ патріарха Фотія, къ современному порядку жизни церковной и общественной. Этой потребности и старались, удовлетворить толкованія на синтагму и номоканонъ, написанныя по распоряженію императоровъ и патріарховъ тремя авторизованными греческими канонистами XII вѣка: Алексѣемъ Аристинѣмъ, Іоанномъ Зонарою и Феодоромъ Вальсамономъ.

Алексѣй Аристинъ, въ правленіе Алексѣя и Іоанна Комнинѣвъ, былъ діакономъ великой, т. е. Софійской церкви въ Константинополѣ и вмѣстѣ—ея великимъ экономомъ и хартофилаксомъ (т. е. секретаремъ). Около 1130 года, по порученію императора Іоанна Комнина, онъ написалъ краткія толкованія на извѣстный уже намъ *каноническій синописъ*. Источникомъ этихъ толкованій служили для Аристина частію полный текстъ правилъ, который толкователь излагалъ въ собственномъ свободномъ перифразѣ, частію древняя анонимная схолія. Метода толкователя—строга догматическая. Онъ изъясняетъ буквальный грамматическій смыслъ канонѣвъ, не входя въ казуистическія тонкости, но въ виду современной практики отмѣчаетъ правила, утратившія свою силу или измѣненныя въ позднѣйшихъ церковныхъ правилахъ (см. его толков. на 14 и 85 ап. правила; 19 халкид.: 31 трул.; 6 сард.; 9 и 18 Василія В. и др.): по мѣстамъ Аристинъ исправляетъ изъясняемый текстъ синописса, если въ немъ неправильно переданъ былъ смыслъ полного текста правилъ (см. его толков. на 72 и 75 апост. прав. и на 19-е анкир. собора). Но гдѣ сокращенный текстъ былъ ясенъ и правиленъ, тамъ толкователь приписываетъ только къ синописсу слово *σαφής*, т. е. правило ясно само по себѣ. Нужно замѣтить, что въ рукахъ Аристина былъ такой списокъ синописса, въ которомъ передавалось не все содержаніе синтагмы Фотія: именно—въ этомъ списокѣ не было еще сокращеннаго текста двухъ Фотіевыхъ соборовъ (861 и 879 г.), а изъ каноническихъ посланій св. отцовъ находились только три посланія Василія Великаго. Если-же списки синописса съ толкованіями Аристина представляютъ намъ въ сокращенномъ текстѣ и всѣ остальные правила, входящія въ

составъ синтагмы Фотія, но только безъ всякихъ толкованій: то это нужно понимать такъ, что такое дополненіе синтагмы принадлежитъ самому Аристину. Для насъ синописъ и Аристиновы толкованія на него въ особенности важны потому, что они составляютъ главное содержаніе первой (канонической) части нашей печатной Кормчей.

Болѣе широкую и трудную задачу выполнилъ въ своихъ толкованіяхъ современникъ Аристина, *Іоаннъ Зонара*. Въ правленіе Алексѣя и Іоанна Комниновъ Зонара занималъ высшія государственныя должности: онъ былъ великимъ *друнгаріемъ виллы*, т. е. начальникомъ дворцовой стражи, и вмѣстѣ вице-предсѣдателемъ императорскаго трибунала и первымъ секретаремъ имперіи. Но потомъ, наскучивъ придворными интригами и удрученный горемъ о потерѣ жены и дѣтей, онъ удалился въ монастырь и принялъ монашество. Вѣроятно, въ первые годы продолжительнаго правленія Мануила Комнина (1142—1181) и по его непосредственному приказанію, Зонара, уже монахъ, взялъ на себя трудъ написать толкованія на полный текстъ каноновъ, содержащихся въ синтагмѣ Фотія. Приступая къ этому дѣлу, Зонара избралъ такой списокъ каноническаго кодекса, въ которомъ правила изложены были не въ хронологическомъ порядкѣ, какъ у Фотія, а по ихъ относительной важности, именно—на первомъ мѣстѣ стояли правила всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ, на второмъ—правила соборовъ помѣстныхъ или областныхъ, а на третьемъ—каноническія посланія св. отцовъ. Надъ правилами каждаго собора Зонара помѣстилъ историческія сказанія о присутствовавшихъ на немъ іерархахъ, а также о времени и цѣли его собранія. Самыя толкованія Зонары состоятъ въ изъясненіи смысла правилъ съ трехъ точекъ зрѣнія: *исторической, догматической и практической*. Такъ какъ въ синтагмѣ содержался каноническій матеріалъ, образовавшійся въ продолженіи многихъ столѣтій, то здѣсь было многое уже непонятно для грековъ XII вѣка или получило на практикѣ совсѣмъ другой смыслъ. Такимъ образомъ, толкователю нужно было изъяснять первоначальный, историческій смыслъ правилъ и тѣхъ или другихъ каноническихъ терминовъ и указывать обстоятельства, вызвавшія данное правило. Конечная цѣль толкованій Зонары состоитъ въ томъ, чтобы чрезъ снесеніе правилъ, от-

носящихся къ одному и тому же предмету, извлечь изъ нихъ общее положеніе, какъ каноническую догму. Если между изъясняемыми правилами оказывались въ чемъ нибудь несогласія, то Зонара или примиряетъ эти несогласія, какъ только кажущіяся, или, въ случаѣ невозможности такого примиренія, рѣшаетъ вопросъ о дѣйствующей канонической догмѣ по относительной важности источниковъ и по ихъ хронологической послѣдовательности, такъ что опредѣленіе вселенскаго собора получаетъ перевѣсъ предъ правиломъ собора помѣстнаго или предъ единоличнымъ правиломъ св. отца; опредѣленіе собора позднѣйшаго отмѣняетъ норму равнаго ему собора предыдущаго, по правилу: *lex posterior derogat priori*. Кромѣ того, при равенствѣ авторитетовъ, разновремененно издавшихъ объ одномъ и томъ же предметѣ не вполне согласныя правила, Зонара отдаетъ преимущество тому правилу, которое отличается большею мягкостію или, по выраженію толкователя, „болѣе челоуѣколюбиво“. Устанавливая такимъ образомъ каноническую догму, Зонара не рѣдко въ своихъ толкованіяхъ обращается къ современной церковной практикѣ и показываетъ, насколько она согласна или несогласна съ этою догмою. Общій характеръ толкованій Зоноры состоитъ въ высокомъ уваженіи къ церковнымъ канонамъ и въ независимости сужденій о явленіяхъ современной жизни, несогласныхъ съ духомъ или прямымъ смысломъ каноновъ. Такъ въ смѣлыхъ и сильныхъ выраженіяхъ отзываясь онъ о церковной власти своего времени: „царская власть, замѣчаетъ онъ въ толкованіи на 28-е правило халкидонскаго собора, перешла въ тираннію, а сенатъ стѣсненъ и потерялъ свое значеніе“. Въ толкованіи на 3-е правило халкидонскаго собора онъ замѣчаетъ: „и донынѣ это зло (занятіе духовныхъ лицъ мірскими дѣлами) бываетъ, и никто онаго не пресѣкаетъ, ни патріархъ, ни царь, ни епископъ; въ пренебреженіи оставляется толикое число правилъ, и съ лицами, подлежащими въ силу этихъ правилъ изверженію, вмѣстѣ служатъ и имѣютъ общеніе патріархи и епископы“. Въ толкованіи на 7-е правило неокесарійскаго собора, воспрещающее пресвитеру участвовать въ брачномъ пирѣ двоеженца, говоритъ: „но такъ на письмѣ; а мы видали и патріарха и различныхъ митрополитовъ, пиршествовавшихъ съ царемъ, вступившимъ во второй бракъ“.

Имя дѣло собственно съ синтагмою, а не съ помоканонь, Зонара въ своихъ толкованіяхъ не входитъ въ разрѣшеніе вопроса объ отношеніи церковныхъ канонѡвъ къ государственнымъ законамъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ цитуетъ эти послѣдніе, если они оказывались согласными съ канонами. Но главную свою задачу, т. е. объясненіе канонѡвъ съ указанныхъ трехъ точекъ зрѣнія, Зонара исполнилъ такъ блистательно, что позднѣйшая греческая духовная іерархія отдавала ему предпочтеніе даже предъ самымъ знаменитымъ Вальсамонь, можетъ быть потому, что этотъ послѣдній въ своихъ толкованіяхъ на синтагму весьма часто дословно повторялъ толкованія своего предшественника.

Послѣднимъ по времени, но первымъ по своему авторитету толкователемъ источниковъ церковнаго права на востокѣ былъ *Теодоръ Вальсамонъ*. Онъ жилъ въ правленіе Мануила Комнина и Исаака Ангела и умеръ въ началѣ XIII вѣка. При Мануилѣ Вальсамонъ, въ санѣ діакона, занималъ высшія церковныя должности, именно былъ номофилаксомъ и хартофилаксомъ великой церкви; потомъ, при Исаакѣ Ангелѣ, поставленъ въ патриархи антиохійскіе, впрочемъ оставаясь въ Константинополѣ, такъ какъ Антиохія находилась тогда въ рукахъ западныхъ крестоносцевъ и слѣд. подъ властію папъ, которые поставляли туда своихъ латинскихъ патриарховъ. Еще до своего патриаршества Вальсамонъ получилъ отъ патриарха Михаила Анхіала порученіе написать комментарий на обѣ части Фотіева номоканона, т. е. и на номоканонъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и на синтагму церковныхъ канонѡвъ. Въ толкованіи на номоканонъ Вальсамонъ долженъ былъ точно отмѣчать, какіе изъ находящихся здѣсь законовъ Юстиніана приняты въ Базилики и какіе не приняты,—слѣдовательно, какіе остаются въ дѣйствиіи и какіе должны быть признаны потерявшими свою силу. Поводомъ къ этой работѣ послужилъ одинъ случай, подробно рассказанный самимъ Вальсамонь въ толкованіи на 9-ю главу 1-го титула номоканона. Имено: амасійскій митрополитъ Левъ въ продолженіе цѣлаго года не замѣщаль одну епископскую кафедру, находившуюся въ его округѣ, не смотря на троекратное внушеніе со стороны патриарха. Тогда послѣдній, на основаніи одного мѣста изъ 123 новеллы Юстиніана, приня-

таго въ номоканонъ (именно въ 9-ю гл. 1 тит.), счесть себя въ правѣ наименовать и рукоположить новаго епископа, помимо митрополита. Но ему стали возражать, что это мѣсто номоканона не принято въ Василики и, слѣд., не имѣетъ законной силы. Патріархъ отвѣчалъ, что номоканонъ, почитаемый въ церкви за священную книгу, не можетъ потерять силы ни въ одной своей буквѣ. Дѣло дошло до императора, который съ своимъ сенатомъ высказался противъ патріарха. Тогда этотъ послѣдній увидѣлъ необходимость пересмотра Фотіева номоканона, т. е. сравненія содержащихся въ немъ Юстиніановыхъ законовъ съ Василиками, впрочемъ — безъ всякаго посягательства на цѣлость первоначальнаго текста номоканона, что и было поручено Вальсамону.

Сообразно съ этою задачею, Вальсамонъ въ своемъ комментарий на номоканонъ дѣлаетъ слѣдующее: 1) отмѣчаетъ, какъ устарѣлые и потерявшіе силу, тѣ гражданскіе законы номоканона, которые не вошли въ Василики; 2) указываетъ, гдѣ именно находятся въ Василикахъ законы, тождественные съ законами номоканона; если же между текстомъ Юстиніанова закона, находящагося и въ номоканонѣ и въ Василикахъ, оказывалось какое либо несогласіе въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, то Вальсамонъ обыкновенно выписывалъ цѣликомъ текстъ дѣйствующаго кодекса, т. е. Василикѣ. Если, наконецъ, законъ Василикѣ былъ разъясненъ, измененъ или вовсе отмѣненъ какимъ либо позднѣйшимъ законодательнымъ актомъ (императорскою новеллою или постановленіемъ патріаршаго синода, утвержденнымъ императоромъ): то Вальсамонъ въ своемъ комментарий приводитъ вполне текстъ этого новаго закона. Какъ патріаршій харатофилаксъ, т. е. начальникъ архива патріархіи, Вальсамонъ имѣлъ подъ руками всѣ нужные матеріалы для такой обработки номоканона.

Что касается до толкованій Вальсомона на каноническую синтагму, то здѣсь онъ, какъ выше замѣчено, весьма часто почти дословно повторяетъ Зонару. Но онъ становится вполне оригинальнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было установить отношеніе церковныхъ каноновъ къ государственнымъ законамъ и примирять встрѣчающіяся несогласія между тѣми и другими, или разрѣшить какой нибудь казуистическій вопросъ, возникавшій въ современной церковной практикѣ. Исполняя первую задачу, Вальсамонъ въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда противорѣчіе между канонами и законами оказывалось непримиримымъ, высказывать принципъ, что „законы должны уступать канонамъ, такъ какъ послѣдніе имѣютъ двоякую санкцію—отъ церковныхъ соборовъ и отъ самихъ императоровъ, а первые—только отъ императоровъ. Разрѣшая казуистическіе вопросы современной церковной практики, Вальсамонъ обыкновенно приводитъ и критикуетъ мнѣнія другихъ или, если вопросъ рѣшенъ законодательнымъ порядкомъ, т. е. въ постановленіи патріаршаго синода или въ императорской новеллѣ, приводитъ самый текстъ этихъ актовъ.

Въ противоположность Зонарѣ, который, какъ выше замѣчено, въ своихъ толкованіяхъ твердо стоитъ на точкѣ зрѣнія древнихъ каноновъ и прямо указываетъ на отступленія отъ нихъ въ современной церковной практикѣ, какъ на явленія ненормальныя, антиканоническія, Вальсамонъ въ подобныхъ случаяхъ пытается оправдать церковную практику, т. е. доказать, что она не противорѣчитъ древнимъ канонамъ, которые въ принципѣ признавались неизмѣнными, или что она имѣетъ свои уважительныя основанія (напримѣръ—долговременный обычай, противоположный канонамъ. См. его толк. на 31 прав апост.; ср. на 12 прав. сард. соб.) Съ этой точки зрѣнія Вальсамонъ оправдываетъ все дѣйствіе императорской власти въ дѣлахъ церковнаго управленія, хотя бы они прямо противорѣчили древнимъ канонамъ (толк. на 16-е, по старому счету, прав. карѣ. соб. или на 23—по нов. счету; срав толк. на 12 прав. ант. соб.). Точно также онъ является жаркимъ защитникомъ прерогативъ константинопольскаго патріарха сравнительно съ другими патріархами, хотя по древнимъ канонамъ все патріархи, по правамъ власти, ровны между собою (толк. на 31 апост.: ср 12 сард.; на 10 прав. VII всел. соб.; на 26 гл. 1 тит. ном. и на 2-ю гл. тит. 8-го; на 18 прав. 1 всел. соб.). Но эта самая тенденція Вальсамона сообщала его толкованіямъ высокую практическую важность. Онъ являлся апологетомъ дѣйствующаго права византійской церкви, и это доставило ему, во мнѣніи современниковъ и отдаленнаго потомства, первенство между всеми толкованіями каноническаго кодекса восточной церкви. Уже въ XIV в. константинопольскій патріархъ Филофей называлъ его искуссѣйшимъ канонистомъ,

голосъ котораго рѣшаютъ самые трудные и запутанные вопросы церковной практики. Даже свѣтскіе юристы пользовались трудами Вальсамона, въ особенности его толкованіями на номоканонъ, откуда они брали многія мѣста въ свои компіляціи по гражданскому праву, напримѣръ—въ такъ называемый „Дополненный Прохиронъ“, составленный въ XIV вѣкѣ. Сколько извѣстно, одинъ только голосъ на востокѣ отозвался о нашемъ канонистѣ не совѣмъ одобрительно, укоряя его въ нѣкоторой непослѣдовательности и даже противорѣчіяхъ. Это—Димитрій Хоматинъ, архіепископъ болгарскій, авторъ значительной массы каноническихъ отвѣтовъ и трактатовъ, младшій современникъ Вальсамона. И нельзя не сознаться, что приведенный упрекъ имѣетъ свои основанія. Такъ, наприм., въ толкованіяхъ на номоканонъ Вальсамонъ отмѣчаетъ одинъ и тотъ же законъ то какъ принятый въ Базилки, то какъ не принятый (Геймбахъ, Исторія греко-рим. права, стр. 314; ср. 335). Равнымъ образомъ въ толкованіяхъ на синтагму онъ не всегда слѣдуетъ своему принципу, что каноны должны имѣть преимущество предъ законами, и нерѣдко отдастъ предпочтеніе этимъ послѣднимъ (см. его толков. на 58-е прав. лаод. собора и на 90 и 146-е кареаг.).

§ 22. *Алфавитная синтагма Властаря и 'Επτοῦ τῶν κατόντων Ἀρμενοῦλα.* Толкованія Аристина, Зонары и Вальсамона, принятыя высшею церковною властію, какъ необходимое руководство для правильнаго пониманія и приложенія къ современной практикѣ древнихъ церковныхъ каноновъ, сдѣлались какъ бы необходимою принадлежностію каноническаго кодекса восточной церкви. Можно сказать, что на практикѣ они ничѣмъ не отличались отъ самыхъ правилъ. Поэтому позднѣйшіе составители практическихъ руководствъ по церковному праву не рѣдко приводили текстъ толкованій вмѣсто текста самыхъ правилъ. Два такихъ руководства заслуживаютъ особеннаго разсмотрѣнія по ихъ употребительности въ церковной практикѣ. Это—1) *Алфавитная синтагма церковнаго права*, составленная въ первой половинѣ XIV вѣка (въ 1335 г.) аѳонскимъ монахомъ *Матвеемъ Властаремъ*, который до монашества, несомнѣнно, былъ юристомъ—практикомъ. Трудъ Властаря есть превосходный реальный словарь церковнаго права, назначенный для скорѣйшаго при-

исканія источниковъ этого права какъ каноническихъ, такъ и гражданскихъ, относящихся къ тому или другому предмету. Авторъ предпослалъ своему труду обширное предисловіе (*προθεωρία*), въ которомъ исторически обозрѣваетъ тѣ и другіе источники и, между прочимъ, сообщаетъ нѣскольکو весьма важныхъ фактовъ изъ исторіи древняго римскаго права. Самая Синтагма состоитъ изъ 24 отдѣловъ по числу буквъ греческаго алфавита; каждый отдѣлъ подраздѣляется на главы, сообразно числу каноническихъ или чисто юридическихъ терминовъ, начинающихся съ той или другой буквы. Въ каждой главѣ сначала излагаются опредѣленія каноническаго права, а потомъ—гражданскаго. Но есть и такія главы, въ которыхъ исключительно приводятся или одни каноническіе источники (наприм. лит. А, гл. 11), или—одни гражданскіе (наприм. лит. А, гл. 4; лит. В, гл. 5). При изложеніи каноническихъ источниковъ Властарь весьма часто пользуется почти дословно толкованіями Зонары и Вальсамона, не называя, впрочемъ, ихъ по имени. Равнымъ образомъ, онъ не указываетъ источниковъ, изъ которыхъ беретъ гражданскіе законы; исключеніе дѣлается только для новелъ Юстиніана и Льва Мудраго. Но изъ сравненія съ извѣстными уже намъ законными книгами византійской имперіи оказывается, что Властарь всего чаще пользовался Эклоюю, Прохирономъ, Эпанагою и разными частными компиляціями изъ Базилікъ. Въ концѣ своей Синтагмы Властарь помѣстилъ нѣсколько приложений, болѣе или менѣе важныхъ для современной церковной практики, именно: 1, сокращеніе уже извѣстнаго намъ покаяннаго номоканона или епитимейника Іоанна Постника; 2, каноническіе отвѣты Никиты митрополита праклійскаго (конца XI в.); 3, правила константинопольскаго патріарха Никифора (IX в.); 4, каноническіе отвѣты Іоанна, епископа китрскаго (XIII в.); 5, каталогъ чиновъ константинопольской великой церкви; 6, росписъ архіерейскихъ кафедръ, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху и 7, списокъ латинскихъ юридическихъ рѣченій (*λέξεις νομικαί*), употреблявшихся безъ перевода въ источникахъ византійскаго права.

Синтагма Властаря вскорѣ послѣ ея составленія, сдѣлалось у грековъ самымъ употребительнымъ руководствомъ къ познанію церковныхъ каноновъ и законовъ. Это доказы-

вается громаднымъ количествомъ списковъ ея, изъ коихъ нѣкоторые современны самому автору. Удобства, представляемая ею для практики, побуждали позднѣйшихъ переписчиковъ дополнять ее выписками изъ толкованій Аристина, Зонары и Вальсамона, такъ что эта новая редакція каноническаго кодекса греческой церкви до нѣкоторой степени замѣняла собою на практикѣ номоканонъ и синтагму Фотія съ названными толкованіями. Въ XIV же вѣкѣ Синтагма Властаря переведена была на сербскій языкъ и въ этомъ переводѣ быстро распространилась по всѣмъ славянскимъ церквамъ. Съ XV вѣка она, какъ увидимъ, дѣлается извѣстною и въ Россіи.

2). Современникъ Властаря *Константинъ Арменопулъ*, номофилаксъ и судья въ Солуни, авторъ знаменитаго *Шестокнижія* или руководства къ познанію гражданскихъ законовъ, составилъ также краткое изложеніе источниковъ каноническаго права подъ названіемъ *Ἐπιτομή τῶν κανόνων* ¹⁾. Оно состоитъ изъ 6 отдѣловъ (*τιμήματα*), подраздѣляющихся на титулы. Первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ правила о епископахъ, второй — о пресвитерахъ, діаконахъ и иподіаконахъ, третій—о низшихъ клирикахъ, четвертый—о монастыряхъ и монахахъ, пятый—о мірянахъ вообще, шестой—о женщинахъ въ особенности. Этотъ сборникъ, вскорѣ послѣ его появленія, снабженъ былъ краткими схоліями или примѣчаніями, изъ коихъ нѣкоторыя надписываются именемъ современнаго Арменопулу константинопольскаго патріарха Филофея, но большая часть другихъ, анонимныхъ схолій, по всей вѣроятности, принадлежатъ самому Арменопулу. Въ тѣхъ и другихъ схоліяхъ содержатся иногда довольно важныя, свидѣтельства о тогдашней канонической практикѣ. Подобно Синтагмѣ Властаря, сборникъ Арменопула былъ переведенъ на сербскій языкъ (списокъ этого перевода XVII в. имѣется въ Пуб. Биб. въ Погод. Древлехр. № 238).

---

¹⁾ Въ своемъ предисловіи онъ относитъ къ числу источниковъ каноническаго права, наряду съ каноническими посланіями св. отцевъ, отвѣты патріарха Николая Грамматика на вопросы монаховъ и правила патріарха Никифора. Первые извѣстны были ему въ числѣ 9, послѣд-

ПЕРЮДЪ IV.

Отъ завоеванія Константинополя турками въ 1453 г. до настоящаго времени.

§ 23. *Источники церковнаго права въ этомъ періодъ.* Завоеваніе Константинополя турками и паденіе Византійской имперіи ничего не измѣнили въ состояніи церковнаго права у покоренныхъ христіанскихъ народовъ, принадлежащихъ къ греческой церкви. Собственный интересъ завоевателей побуждалъ ихъ оставить неприкосновенною религію новыхъ подданныхъ и даже надѣлать духовную іерархію ихъ разными привилегіями, какихъ не имѣла она при прежнихъ христіанскихъ императорахъ. Уже покоритель Константинополя султанъ Мухаммедъ II призналъ тамошняго патріарха духовнымъ главою всѣхъ *райевъ*, т. е. христіанскихъ подданныхъ оттоманской имперіи безъ различія національности. Дворъ патріарха или по турецки „патрика“ сдѣлался для нихъ верховнымъ судилищемъ не только въ дѣлахъ чистоцерковныхъ, но и въ гражданскихъ, поскольку эти послѣднія имѣли отношеніе къ религіи, каковы дѣла семейныя, брачныя и наслѣдственныя. Кромѣ того, патріарху предоставлено право третейскаго суда между христіанами и даже между христіанами и мусульманами и по другимъ гражданскимъ дѣламъ, если обѣ стороны соглашались принести свой споръ на рѣшеніе патріарха. Для рѣшенія чистоцерковныхъ дѣлъ при патріархѣ по прежнему оставался *постоянный соборъ* или синодъ (*σύνδος ἐνδημιόβια*), въ составъ котораго входили теперь не только архіереи, но и знатнѣйшіе изъ представителей греческой націи (такъ наз. *фанариоты*). Синодъ по прежнему отправлялъ функціи не только судебной и административной, но и законодательной власти. Основаніемъ дѣятельности синода во всѣхъ этихъ направленіяхъ служили древніе каноны и законы, содержащіеся въ номоканонѣ и синтагмѣ патріарха Фотія. Но въ преимущественномъ употребленіи находилась *Алфавитная синтагма Властара*, переведенная теперь, именно въ 1498 г., въ помощь духовенству, уже плохо понимавшему древній греческій языкъ, на ново-греческій или общенародный (*κοινή γλώσσα*). Авторомъ перевода былъ юристъ

Николай *Куналисъ-Критспулъ*. Основаніемъ для рѣшенія дѣлъ чисто-гражданскихъ, передоставленныхъ вѣдомству духовной іерархіи, служило упомянутое раньше *Шестокнижіе* Арменопула. Оно также переведено было на ново-греческій языкъ и въ этомъ переводѣ нѣсколько разъ было издаваемо въ Венеціи греками, поселившимися тамъ послѣ завоеванія Константинополя (именно—въ 1744, 1766, 1777, 1820 гг.).

Законодательная дѣятельность константинопольскихъ патріарховъ и ихъ синода въ настоящемъ періодѣ была довольно обширна и разнообразна. Мы укажемъ здѣсь только важнѣйшіе памятники этой дѣятельности, и притомъ такіе, которые касаются исключительно дѣлъ церковныхъ и послужили источниками каноническаго права не только для греческой церкви, но и для другихъ автокефальныхъ церквей православнаго востока. Таковы: 1) синодальное постановленіе, подѣ предсѣдательствомъ константинопольскаго патріарха Іереміи II, объ учрежденіи въ Россіи патріаршества (*Σβρυτ.* V, 149); 2) синодальное опредѣленіе того же патріарха 1593 г. о новомъ римскомъ (грегоріанскомъ) календарѣ, какъ несогласномъ съ преданіями восточной церкви; 3) грамоты констант. патрарха Іереміи III и антиохійскаго Аванасія о признаніи учрежденнаго Петромъ Великимъ синода органомъ духовной власти, равнымъ съ патріархами; 4) синодальное опредѣленіе патріарха Кирилла V отъ 1756 г. о недѣйствительности крещенія католиковъ и лютеранъ (*ibid.* 614—616); 5) синодальное постановленіе патріарха Григорія VI (1834—1840) о препятствіяхъ къ браку, вытекающихъ изъ понятія о различныхъ видахъ родства (*ibid.* p. 164—175); 6) синодальный актъ 1850 года, при патріархѣ Анѳимѣ, о самостоятельности церкви греческаго королевства (*ibid.* p. 177—184).

§ 24. *Новыя практическія руководства къ познанію и примѣненію источниковъ церковнаго права.* Выше мы замѣтили, что въ настоящемъ періодѣ греческая духовная іерархія въ рѣшеніи дѣлъ, предоставленныхъ ей вѣдѣнію турецкимъ правительствомъ, руководилась преимущественно двумя законными книгами, образовавшимися еще въ предыдущемъ періодѣ: Алфавитною синтагмою Властаря и Шестокнижіемъ Арменопула, переведенными теперь на новогреческій языкъ. Первая

служила основаніемъ для рѣшенія дѣлъ и вопросовъ чисто-церковныхъ, послѣдняя—для рѣшенія дѣлъ гражданскихъ, поскольку они состояли въ вѣдѣніи церковной іерархіи. Но эти книги не устраняли потребности въ составленіи новыхъ практическихъ руководствъ по церковному праву, болѣе приспособленныхъ къ современному состоянію этого права и къ общему уровню образованія тогдашняго греческаго духовенства, который, надобно замѣтить, былъ очень не высокъ. Такія руководства стали появляться уже въ началѣ настоящаго періода. Одни изъ нихъ представляютъ опыты частной кодификаціи *всего* дѣйствующаго церковнаго права, другія обнимаютъ только отдѣльныя, наиболѣе важныя составныя части этого права. Къ первымъ относится *Номоканонъ* или *Νομικὸν Μανυιλά Μαλακᾶ*, нотаріуса въ Фивахъ, составленный въ 1561 году сначала на древне-греческомъ языкѣ, а потомъ переведенный самимъ авторомъ на новогреческій. Обширное употребленіе этого номоканона доказывается множествомъ списковъ его, хранящихся въ разныхъ бібліотекахъ востока и запада. Источниками, изъ которыхъ Малаксъ черпалъ свой матеріалъ и которые болѣею частію прямо указаны имъ при каждой главѣ своего сборника, служили: номоканонъ и синтагма патріарха Фотія съ толкованіями Зонары и Вальсамона, алфавитная синтагма Властаря, шестокнижіе Арменопула, синодальныя опредѣленія константинопольскихъ патріарховъ настоящаго періода, сочиненія современныхъ автору канонистовъ (напримѣръ—трактатъ хартофилакса о степеняхъ родства, о которомъ будетъ рѣче дальше), наконецъ—обычай и практика, которые Малаксъ приводитъ, какъ „мнѣнія церковныхъ учителей“. Сборникъ раздѣляется на главы, послѣдовательно обозначенныя цифрами и содержащія въ себѣ извѣстное число выписокъ изъ источниковъ. Система сборника такова: сначала идутъ статьи о правѣ и справедливости вообще, потомъ—о патріархахъ, епископахъ, низшемъ духовенствѣ и монахахъ, далѣе—о богослужебныхъ дѣйствіяхъ, наконецъ—о бракѣ и другихъ предметахъ, подлежащихъ вѣдомству церковныхъ судовъ. Списки Малаксова сборника чрезвычайно разнятся между собою какъ по составу, такъ и по числу и порядку главъ. Это служитъ новымъ доказательствомъ обширнаго употребленія этого сборника. Каждый пере-

писчикъ старался чѣмъ нибудь дополнить свой оригиналь, сдѣлать его болѣе пригоднымъ для практики. Во многихъ рукописяхъ сборникъ является въ соединеніи съ другими каноническими сборниками, не принадлежащими Малаксу, напримѣръ съ епитимійнымъ номоканономъ, о которомъ будетъ рѣчь дальше, но при этомъ счетъ главъ продолжается, такъ что по однѣмъ рукописямъ насчитывается 200 съ небольшимъ главъ, а въ другихъ—болѣе 700. Гдѣ позднѣйшія перемѣны, прибавки и приложения были особенно многочисленны, тамъ переписчики считали себя въ правѣ выдавать трудъ Малакса за свой собственный. Такъ, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ XVII вѣка авторомъ Малаксова номоканона называютъ себя другія лица (Тома Риццесъ, священникъ Стилианъ, монахъ Кириллъ и др.). Въ заключеніе замѣтимъ, что сборникъ Малакса почти цѣликомъ вошелъ въ составъ румынской Кормчей, конечно—въ переводѣ на румынскій языкъ.

Изъ практическихъ руководствъ настоящаго періода, обнимающихъ только отдѣльныя вѣтви церковнаго права, заслуживаютъ особеннаго вниманія по ихъ значенію въ исторіи нашего русскаго каноническаго права слѣдующія два:

а) *Покаянный номоканонъ* или *епитимейникъ*, составленный, вѣроятно, въ концѣ XV вѣка, во всякомъ случаѣ—послѣ взятія Константинополя турками. Это видно, между прочимъ, изъ того, что въ немъ содержится правило, запрещающее христіанамъ приглашать турокъ въ кумовья, т. е. въ воспріемники своихъ дѣтей отъ купели крещенія (см. пр. 22). Онъ составленъ большею частію на новогреческомъ языкѣ и дошелъ до насъ, подобно Малаксову сборнику, во множествѣ списковъ. Не позднѣе первой половины XVI вѣка онъ переведенъ былъ на славянскій (именно—сербскій) языкъ и по одному изъ множества списковъ этого перевода напечатанъ былъ въ Кіевѣ въ 1620 г. За этимъ изданіемъ слѣдовалъ рядъ другихъ, частію кіевскихъ, частію—московскихъ. Первые были дѣломъ частныхъ лицъ, монаховъ кіево-печерской лавры. Послѣднія имѣютъ оффиціальныя характеръ, такъ какъ въ нихъ номоканонъ является въ видѣ приложения къ одной изъ важнѣйшихъ церковныхъ книгъ—Требнику, издаваемому отъ лица высшей церковной власти въ Россіи. Такимъ образомъ, этотъ номока-

нонь формально сдѣлался источникомъ русскаго церковнаго права. Но въ своемъ отечествѣ, т. е. въ Греціи, онъ давно уже вышелъ изъ употребленія и ни разу не былъ тамъ издаваемъ въ печати. Греческій подлинникъ его, съ пролегоменами и историко-критическими примѣчаніями, впервые изданъ мною въ 1872 году въ Одессѣ, почему Захаріе-фонъ-Лингенталь въ своемъ изслѣдованіи о греческихъ каноническихъ сборникахъ времени турецкаго владычества надъ греками и называетъ этотъ номоканонъ моимъ именемъ ¹⁾. Значеніе этого номоканона въ ряду источниковъ дѣйствующаго русскаго церковнаго права будетъ указано нами въ своемъ мѣстѣ.

б) *Трактатъ о степеняхъ родства*, препятствующихъ браку (*περὶ τῶν τῆς συγγενείας βαθμῶν*), составленный по распоряженію патріарха Іоасафа I (1520—1543) хартофилаксомъ патріаршей церкви *Мануиломъ Ксанояниномъ*. Это—замѣчательный памятникъ греческой канонической юриспруденціи. По простотѣ и ясности изложенія дѣла, всегда затруднявшаго и греческое и наше духовенство, трактатъ хартофилакса Мануила превосходитъ всѣ прежнія руководства по этому предмету. Въ 1564 г. онъ напечатанъ былъ, съ разными дополненіями, священникомъ греческой церкви въ Венеціи Захаріею Скордиліемъ, по прозванію *Марафаръ*. Изданіе Скордилія вскорѣ переведено было на славянскій (сербскій) языкъ. Списки этого перевода всего чаще встрѣчаются въ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ такой-же, т. е. сербскій переводъ вышеописаннаго покаяннаго номоканона. Независимо отъ этого перевода, въ 1646 г. въ Кіевѣ вновь переведены были нѣкоторыя извлеченія изъ книжки Скордилія, вошедшія въ составъ статьи „о тайнѣ супружества“, помѣщенной въ Требникѣ кіевского митрополита Петра Могилы. Отсюда статья эта принята въ первопечатную Кормчую, изданную при всероссійскихъ патріархахъ Іосифѣ и Никонѣ (въ 1649 и 1653 г.г.), и удержала свое мѣсто во всѣхъ позд-

---

¹⁾ Въ 1897 году вышло въ свѣтъ „новое, отъ начала до конца переработанное“ изданіе этого труда А. С—ча, содержащее въ себѣ много новыхъ и весьма цѣнныхъ данныхъ, относящихся къ исторіи названнаго памятника и выясненію практическаго употребленія его въ греко-славянскихъ церквахъ

нѣйшихъ изданiяхъ этой книги, составляя въ ней вторую часть 50-й главы. Статья эта до сихъ поръ служить у насъ единственнымъ официальнымъ руководствомъ для счета степеней родства и свойства, составляющихъ препятствiе къ браку. Подробности объ ней—въ моемъ сочиненiи: „50-я глава Кормчей книги, какъ историческiй и практическiй источникъ русскаго брачнаго права“ (М. 1887).

§ 25. *Новыя частныя и официальныя изданiя древняго каноническаго кодекса греческой церкви.* Нужно замѣтить, что составители описанныхъ нами практическихъ руководствъ по церковному праву, говоря вообще, были люди очень не высокаго образованiя: они пользовались своими источниками безъ всякой критики, а между тѣмъ въ этихъ источникахъ, наряду съ подлинными правилами древнихъ соборовъ и отцовъ церкви, обращалась масса правилъ апокрифическихъ, подложныхъ, которые подчасъ поражаютъ странностию своего содержанiя. Такихъ правилъ не мало находится у Мануила Малакса и у неизвѣстнаго автора того покаяннаго номоканона, который, какъ выше показано, издается въ концѣ нашего Требника. Само собою понятно, что это явленiе свидѣтельствуетъ о маломъ знакомствѣ греческихъ канонистовъ первой половины настоящаго перiода съ подлиннымъ текстомъ и составомъ древнихъ правилъ, содержащихся въ синтагмѣ патрiарха Фотiя. Но съ конца XVII столѣтiя на востокъ дѣлаются извѣстными западныя печатныя изданiя каноническаго кодекса греческой церкви и позднѣйшихъ дополненiй къ нему, состоящихъ въ постановленiяхъ патрiаршаго синода и другихъ памятникахъ церковнаго права предыдущаго перiода. Съ особеннымъ уваженiемъ припяти были на востокъ уже извѣстныя намъ два изданiя: Леуноклавiя—*Jus graeco-romanum* и Беверегiя—*Συνοδικὸν* sive *Pandectae canonum ecclesiae graecae*. Первое изъ нихъ, какъ болѣе рѣдкое и, пожалуй, болѣе нужное для тогдашней церковной практики, употреблялось даже въ рукописныхъ копiяхъ и называлось книгою Арменопула на томъ основанiи, что оно начинается каноническимъ синопсисомъ этого византийскаго юриста. Но изданiя Леуноклавiя и Беверегiя почти все разошлись на западъ, и лишь очень немногiе экземпляры того и другого попали въ библiотеки греческихъ монастырей и въ руки высшихъ iерарховъ восточной церкви. Знакомство

съ названными изданіями побудило и самихъ грековъ заняться дѣломъ изданія каноническаго кодекса своей церкви— съ цѣлю сдѣлать эту важную книгу, по возможности, общимъ достояніемъ своихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ. Первыя изъ этихъ изданій появились въ концѣ прошлаго столѣтія. Они были дѣломъ частныхъ лицъ и по своимъ достоинствамъ стоятъ гораздо ниже подобныхъ же западныхъ изданій. Изъ нихъ заслуживаютъ быть упомянутыми слѣдующія два: 1) изданіе аѳонскаго монаха Агапія, вышедшее въ 1787 г. въ Венеціи подъ заглавіемъ: *Συλλογή πάντων τῶν ἱερῶν καὶ θεῶν κανόνων*. Издатель въ своемъ предисловіи, говоря о необходимости знакомства съ подлиннымъ текстомъ и составомъ каноновъ древней Вселенской церкви, между прочимъ, рѣзко порицаетъ современниковъ за употребленіе разныхъ рукописныхъ номоканоновъ, содержащихъ въ себѣ не подлинные, а мнѣнскіе каноны. Въ изданіи Агапія находится вся синтаγμα патріарха Фотія на древне-греческомъ языкѣ, но безъ толкованій авторизованныхъ канонистовъ XII вѣка—Аристина, Зонары и Вальсамона, изданныхъ Беверегіемъ; зато издатель дополнилъ составъ синтагмы правилами патріарха Никифора Исповѣдника (IX в.) и Іоанна Постника (конца VI в.).—2) Изданіе аѳонскаго же (иверскаго монастыря) монаха Христофора, вышедшее въ 1800 году въ Константинополѣ изъ патріаршей типографіи и посвященное патріарху Неофиту VII-му, подъ заглавіемъ: *Κανονικόν, ἦτοι οἱ θεῖοι κανόνες τῶν ἁγίων καὶ πανόρτων Ἀποστόλων, τῶν τε οἰκουμενικῶν καὶ τολικῶν συνόδων καὶ τῶν κατὰ μέρος θεοφόρων πατέρων*. По содержанію и языку это изданіе сходно съ предыдущимъ, т. е. въ немъ содержится синтаγμα патріарха Фотія на древне-греческомъ языкѣ съ тѣми же дополненіями (и съ прибавленіемъ еще каноническихъ отвѣтовъ патріарха Николая Грамматика—XI в.), но текстъ правилъ изложенъ здѣсь въ сокращеніи самого издателя и снабженъ его примѣчаніями, заимствованными большею частію изъ изданій Леунклавія и Беверегія. Въ этихъ примѣчаніяхъ, между прочимъ, дѣлаются ссылки на толкованія Зонары и Вальсамона— Оба названныя изданія вытѣснены были изъ употребленія оффиціальнымъ изданіемъ каноническаго кодекса греческой церкви, вышедшимъ въ одномъ году съ изданіемъ

емъ монаха Христофора. Инициатива этого официальнаго изданія принадлежитъ вышеупомянутому монаху Агапію и аѳонскому же іеромонаху Никодиму. Еще въ 1793 г. они представили патріарху Неофиту VII полный текстъ синтагмы Фотія по изданію Беверегія, но въ переводѣ на новогреческій языкъ. Къ тексту правилъ присоединены были, тоже на новогреческомъ языкѣ, толкованія Зонары, Вальсамона и Аристина, сопровождавшіяся собственными (подстрочными) примѣчаніями переводчиковъ. Рукопись Агапія и Никодима, по распоряженію патріарха и его синода, отдана была на предварительное разсмотрѣніе особой комиссіи и только чрезъ семь лѣтъ была одобрена къ печати, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы общепризнанные церковные каноны изданы были на ихъ оригинальномъ, т. е. древнегреческомъ языкѣ. Дѣло печатанія и корректуры поручено было монаху Теодориту и совершено не въ патріаршей типографіи, а въ Лейпцигѣ, потому, вѣроятно, что здѣсь можно было издать книгу и лучше и дешевле. Изданіе, какъ выше замѣчено, вышло въ 1800 году подъ заглавіемъ; *Πηδάλιον*, что совершенно равно русскому названію: Книга *Кормчая*. Это названіе взято съ символическаго изображенія церкви въ видѣ корабля, управляемаго среди волнъ житейскаго моря правилами св. Апостоловъ, соборовъ и отцовъ церкви. Символь этотъ, встрѣчающійся уже въ христіанскихъ катакомбахъ II и III столѣтій и объясненный въ извѣстныхъ Апостольскихъ Постановленіяхъ (lib. III, cap. 58), изображенъ также и на оборотѣ заглавнаго листа книги—съ подробнымъ объясненіемъ. Когда книга получена была въ Константинополь, то въ ней найдены были разныя прибавки, сдѣланныя выше упомянутымъ корректоромъ ея Теодоритомъ,—прибавки, которыя патріархъ Неофитъ призналъ частію неумѣстными, частію противными уставамъ и преданіямъ восточной церкви, о чемъ и далъ знать по всеѣмъ епархіямъ окружною грамотою, съ точнымъ указаніемъ страницъ, гдѣ находились эти прибавки, и съ предписаніемъ вычеркнуть ихъ изъ текста. Въ Пидаліонѣ синтагма Фотія является съ тѣми же дополненіями, какія находятся и въ выше отмѣченныхъ частныхъ изданіяхъ, т. е. съ правилами Іоанна Постника и Никифора Исповѣдника и каноническими отвѣтами Николая Грамматика. Кромѣ того, въ концѣ книги помѣщены: 1, руковод-

ство къ опредѣленію степеней родства, препятствующихъ браку, и 2, формы разныхъ церковныхъ актовъ, какъ-то ставленыхъ грамотъ, бракоразводныхъ и т. п. Въ 1841 году вышло 2-е, а въ 1864 г. 3-е изданіе Пидаліона, исправленныя согласно съ указаніями выше упомянутой патріаршей грамоты, которая и помѣщена теперь въ самомъ началѣ книги. Пидаліонъ до сихъ поръ составляетъ оффиціальныи каноническій кодексъ греческой церкви, признающей надъ собою власть константинопольскаго патріарха. Такого значенія не потеряла эта книга и послѣ изданія знаменитой аѳинской *Синтагмы канонвъ*, предпринятаго и совершеннаго, по распоряженію синода церкви греческаго королевства, двумя учеными греками *Ралли* и *Потли*. Аѳинская Синтагма, начатая печатаніемъ въ 1852 и оконченная въ 1859 г., состоитъ изъ 6 частей. Въ первой содержится номоканонъ Фотія съ толкованіями Вальсамона; во второй, третьей и первой половинѣ четвертой—синтагма Фотія съ толкованіями Зонары, Вальсамона и Аристина; затѣмъ во второй половинѣ четвертой части—каноническіе отвѣты патріарха Николая Грамматика, правила Никифора исповѣдника и Іоанна Постника, каноническіе отвѣты и трактаты Вальсамона и Зонары; въ пятой—синодальныя грамоты и постановленія константинопольскихъ патріарховъ, законы византійскихъ императоровъ, каноническіе отвѣты и трактаты разныхъ церковно-іерархическихъ лицъ и формы церковно-юридическихъ актовъ; въ шестой, наконецъ, алфавитная синтагма Властаря, съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ ко всему изданію. Большая часть содержанія аѳинской Синтагмы взята изъ готовыхъ западныхъ изданій, преимущественно—изъ Бевериджа и Леунклавія; но ученые издатели воспользовались также, для исправленія и пополненія текста, превосходною каноническою рукописью XIV в., найденною въ Трапезунтѣ, и кромѣ того—богатыми пособіями, находящимися въ Вѣнской Императорской Библіотекѣ. Все это, конечно, возвышаетъ *научное достоинство* изданія, которое, дѣйствительно, съ большимъ уваженіемъ принято какъ въ греческой, такъ и въ русской церкви. Но на *практикѣ*, въ *начествѣ* оффиціального каноническаго кодекса, остается для всеѣ греческой церкви все-таки *Пидаліонъ*, который поэтому и послѣ появленія въ свѣтъ аѳин-

ской Синагмы, именно въ 1864 г. вышелъ—какъ уже замѣчено ранѣе — новымъ (третьимъ) изданіемъ, и при томъ опять-таки въ предѣлахъ не константинопольскаго патриархата, а независимой церкви греческаго королевства — въ Закинѣѣ.

А. Павловъ.
